PG 3226
.07

1823

LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ОПИСАНІЕ
ПРАЗДНИКА,

С231
344

данного

родными и друзьями

Его Превосходительству

Всеволоду Андреевичу

ВСЕВОЛОЖСКОМУ,

въ Рябовѣ

25 Октября 1822 года.

Въ Типографіи Н. Греча.

1823.

Бр. Ц.

Opisanie prazdnika dannago rodnymi i druz'yami ...

ОПИСАНІЕ

ПРАЗДНИКА,

данпаго

родными и друзьями

Его Превосходительству

Всеволоду Андреевичу

ВСЕВОЛОЖСКОМУ,

по случаю

дня его рожденія

въ Рябовѣ

25 Октября, 1822 года.

Съ приложеніемъ музыкальныхъ нотъ и 15 гравированныхъ картинъ.

Мы собрались сюда, чтобъ вмѣстѣ
Душевный праздникъ проводить,
Чтобъ безъ притворства и безъ лести,
Что есть на сердцѣ, говорить.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи Н. Греча.

1823 года.

PG3226
B7
1823

Печатать позволено

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдует. на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ. Іюля 18 дня 1823 года

Цензоръ Александръ Красовскій.

28 - 205203
P 34
11 25 - 88

ПРОЛОГЪ.

В. И.
Клочковъ
С. П. БУРГЪ
ЛИТЕЙН. ПР. 55.
КНИГОПРОДАВЕЦЪ-АНТИКВАРІЙ

24 числа,

въ 6 часовъ по полудни,

дана была собственными Актерами

НОВЫЙ ПАРИСЪ,

Опера-Водевиль, музыка Г. Маурера.

Въ 10 часовъ,

Прологъ:

ПРОѢЗЖІЙ

или

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ ИМЯНИНАМЪ,

домашнее представленіе въ 2 частяхъ,

(на заданную пословицу:

„Добраго имянинника празднуютъ три дня.")

Соч. Ѳ. Н. Г.....

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ Сельминъ, проѣзжій изъ за границы.

Гжа Ладова, родственница Г. Добромыслова.

Саша, дочь Ладовой.

Миловъ, гусарской отставной офицеръ, раненый въ руку, родственникъ въ домѣ.

Г. Леновъ, пріятель въ домѣ.

Яша Простаковъ, деревенской слуга.

Слуги Ладовой и проч. проч.

Дѣйствіе происходитъ 24 Октября 1822 года, въ селѣ Дружелюбовѣ, помѣщика Добромыслова, близъ столицы.

Проѣзжій,

Домашнее представленіе.

ЧАСТЬ I.

Театръ представляетъ хорошо убранную комнату. Яша Простаковъ *разставляетъ стулья, столы и проч.*

Яша (*самъ съ собою*).

Да, этотъ праздникъ не на шутку! Потрудись, братъ, Яша!... Для добраго господина весело и трудиться! Все будетъ готово! Все уберемъ, все распорядимъ! — А онъ, нашъ батюшка, чай ни о чемъ и вѣдать-то не вѣдаетъ. Не даромъ мнѣ Гжа Ладова говорила не разъ и наказывала: „Смотри же ты, Яша! никому не „разсказывай о томъ, что тебѣ приказано!" А я ей низкой поклонъ (*кланяется шаркая*): „Никому, сударыня, не скажу: у меня слова не выманишь." Да ужъ такъ тому и быть, барыня, вишь мимо всѣхъ нашихъ ливрейныхъ лакеевъ и разряженныхъ дѣвушекъ, приказала мнѣ все, что надобно было... А что имянно приказала... того никому не скажу. — А почему бы, напримѣръ, приказала она все это мнѣ?.... А вотъ, видите, потому, что всѣ городскіе лакеи хоть, правда, и вострые и умные парни, особливо дѣвушки, — ужъ такія нарядныя кол-

дуньи, хоть кого такъ заполонятъ! Да только имъ нельзя вѣрить, не такъ какъ нашему брату простяку. — Я таки поузналъ городскихъ и мущинъ и дѣвушекъ:

Тѣ очень умны, тѣ красивы. —
У нихъ такой лукавой взглядъ! . . .
Да только всѣ ужъ страхъ болтливы,
И все, что знаютъ, говорятъ! —
Нѣтъ, нѣтъ! у Яши Простакова
Не выманишь напрасно слова . . .

Да, да, я говорю, не выманишь ни слова! У меня слова на замочкѣ! . . . Ужъ на что не плутовка Лиза, да и та ничего не вывѣдала. — Вчера, изволите видѣть, подлетѣла ко мнѣ, какъ ластушка, и начала увиваться и выпытывать . . . У меня, признаюсь, отъ радости глаза запрыгали и косточки такъ и разомлѣлись . . . Однакожъ таки ничего не высказалъ. — (*Подражая женскому голосу*) „Яшенька, голубчикъ! будетъ ли у насъ праздникъ?“ — А я ей въ отвѣтъ: (*грубымъ голосомъ*) Будетъ! — „И много будетъ гостей?“ — Гмъ! ужъ конечно много! вѣдь ты знаешь, что нашего барина и ближніе и дальніе любятъ! — „А долго ли праздновать будутъ: цѣлые сутки? . . не правда ли?“ — Экъ угадала! ну много ли шутъ напразднуешь въ сутки? Только разохотишься. — „Такъ стало, „больше? сколькожъ? день? два? три? пять? „десять?“ — Полно, полно, сударыня, вострущ-

ка! Ты эдакъ все мое задушевное вытыгаешь, а тамъ, пожалуй и разболтаешь . . . Ужъ куда съ этими дѣвушками мудрено говорить: такъ и хватаютъ глазами за сердце! А пословица-та, въ сердцѣ окошка нѣтъ, а все видно! . . . Однакожъ отъ меня съ тѣмъ и ушла, съ чѣмъ пріѣхала . . . я не сказалъ ей ничего: ни про маскарадъ, ни про балъ, ни про театры, ни . . . ни . . . ни . . . про то сколько дней будутъ праздновать . . . . А вотъ это-то, какъ изволите видѣть, и трудно узнать . . . . (*Опять начинаетъ убирать комнату и поетъ.*)

Нѣтъ, нѣтъ, у Яши Простакова
Не выманишь напрасно слова . . . .
Я скоро свой окончу трудъ
(*ставя столъ.*)
Вотъ этотъ столъ, поставимъ тутъ,
(*осматривая комнату*)
А эта лампа ужъ готова . . .
(*къ партеру*)
Нѣтъ, нѣтъ у Яши Простакова
Не выманишь напрасно слова . . . .

ЯВЛЕНІЕ II.

Милов ъ (*съ подвязанною рукою, въ гусарской курткѣ.*)

Эй, Яшка! Яшка! поди поскорѣе проводи сюда пріѣзжаго гостя Графа! . . .

Яша.

Что тамъ, сударь, за гость? — У насъ я знаю, какіе будутъ гости.

Миловъ.

Не разсуждать — дѣлать!

Яша (*ворча уходитъ со свѣчею.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Миловъ (*одинъ.*)

Этотъ Графъ Сельминъ, проѣзжающій изъ чужихъ краевъ, во всѣхъ отношеніяхъ кажется мнѣ препочтеннымъ человѣкомъ. Но, по чести, не знаю, какъ съ нимъ сдѣлаться: мы всѣ теперь такъ заняты приготовленіемъ къ большому празднику . . . Мнѣ должно предупредить Г-жу Ладову на счетъ его . . . Но вотъ и онъ! Постараемся занять его разговоромъ, до пріѣзда нашихъ дамъ . . . А тамъ . . . .

ЯВЛЕНІЕ IV.

Графъ Сельминъ и Миловъ.

Графъ (*среднихъ лѣтъ, степенный человѣкъ въ дорожномъ платьѣ.*)

А! вы здѣсь, мой любезный Миловъ! . . . Признаюсь вамъ, я сердечно радъ, что послушался молвы и проѣзжая изъ унылой Финляндіи, заѣхалъ въ это веселое село Дружелюбово! Не смотря на погоду, я успѣлъ уже взглянуть на окрестности и полюбоваться заведеніями. Какія прекрасныя мѣста! Въ виду великолѣпной столицы, тутъ можно наслаждаться всѣми удо-

вольствіями сельскаго уединенія. — Да здѣсь (я видѣлъ мимоходомъ) такъ много вещей, которыя и за границей считаются еще новостями. Тутъ вездѣ находишь плоды опытной Агрономіи и удивительныя произведенія хозяйственной Химіи и Механики.

Миловъ.

Это немудрено . . . Почтенный хозяинъ любитъ науки не въ однихъ книгахъ: онъ примѣняетъ ихъ вездѣ, гдѣ можно, къ хозяйству и къ хозяйству Рускому. — Его помощникъ, въ сихъ благородныхъ трудахъ, родной братъ его, человѣкъ съ образованнымъ умомъ, съ тихою прекрасною душею, и при всемъ томъ съ основательными свѣдѣніями . . . (*въ сторону*) Надобно поддержать разговоръ! (*къ Графу*) Но вы, Графъ! путешествуя такъ долго по чужимъ краямъ, вѣрно видѣли многое . . . . .

Графъ.

Конечно, я путешествовалъ не для одного разсѣянія, хотя, впрочемъ, имѣлъ въ немъ большую нужду. — Признаюсь, я съ нѣкоторымъ чувствомъ глубокаго уваженія смотрѣлъ на Голландію, богатую трудолюбіемъ и торгами. Человѣкъ показалъ тамъ свое могущество надъ стихіями. На землѣ, отнятой у моря, огражденной плотинами, я видѣлъ села, подобныя городамъ, и нивы, какъ сады цвѣтущіе. Въ Англіи любо-

вался я укромнымъ хозяйствомъ благоразумныхъ фермеровъ, и дивился великолѣпнымъ паркамъ затѣйливыхъ Лордовъ. — Во Франціи вездѣ видно теперь движеніе умовъ и капиталовъ. Я проѣхалъ, потомъ, въ Швейцарію: великолѣпная природа! благополучные люди! — Но я долженъ сказать откровенно: меня вездѣ болѣе занимало то, что именно показываетъ, какимъ образомъ человѣкъ, столь бѣдный въ состояніи дикомъ, превращаетъ свой умъ, свою природную силу, посредствомъ труда и работы, въ огромные капиталы, которые даютъ способы къ жизни и къ благоразумнымъ удовольствіямъ, услаждающимъ бытіе гражданское. Я видѣлъ школу Агрономіи въ заведеніи Фелленберга . . . . И теперь сердечно радуюсь, что и въ любезной Россіи, и въ моемъ отечествѣ встрѣчаю то, чѣмъ хвалятся иностранцы, что такъ уважаетъ вся просвѣщенная Европа . . . (*Къ Милову* Скажите мнѣ, почтенный Г. Добромысловъ засталъ уже хозяйство на такой ногѣ, когда купилъ это прекрасное селеніе? Тутъ былъ уже и этотъ домъ, который имѣетъ такой картинный видъ издали и . . . .

Миловъ.

Извините, Милостивый Государь! Прежніе почтенные хозяева этой усадьбы рѣдко здѣсь

живали, имѣли другіе виды, другія намѣренія и занимались другими вотчинами. — Г. Добромысловъ, говоря безъ всякой лести, есть, изобрѣтатель и учредитель всего, что привлекаетъ здѣсь вниманіе ваше. — Все пріятное, полезное и все, съ умомъ и знаніемъ устроенное принадлежитъ собственно ему. Новые способы обработанія полей, новые механическіе снаряды: это все его!

Графъ.

Я отъ всей души уважаю человѣка, который, исполняя другія обязанности гражданина, не забываетъ также обязанностей домостроителя, и на всемъ, что только ему принадлежало, оставляетъ слѣды своего благороднаго существованія въ мірѣ. — Мнѣ говорили еще очень много объ уваженіи Г. Добромыслова къ талантамъ, о любви его ко всему изящному.

Миловъ.

Да, здѣсь, по правдѣ, можно видѣть соединеніе талантовъ. Тутъ живетъ, напримѣръ, извѣстный, въ своемъ родѣ, Живописецъ Г. Дезарно.

Графъ.

Я знаю его кисть

Миловъ.

Домашній кругъ нашъ украшается также рѣд-

кими дарованіями Гг. Маурера и Червенки, а нерѣдко и превосходною игрою Г. Гугеля.

Графъ.

Какъ! они теперь здѣсь, эти превосходные Артисты! Я едва не засталъ ихъ въ Парижѣ, и, признаюсь, гнался за ними, вслѣдъ за молвою, когда они, проѣзжая Европу, сбирали вездѣ дани любви и удивленія . . . А Г. Гугеля я надѣюсь услышать еще въ Россіи.

Миловъ.

И даже здѣсь . . . Еще бываетъ здѣсь очень часто нашъ Руской Г. Леновъ, которой считается теперь первымъ на гитарѣ.

Графъ.

Это такой бѣдный инструментъ!

Миловъ.

Но вы удивитесь, Графъ, какими новыми звуками умѣло обогатить его искуство нашего соотечественника . . . . Г. Добромысловъ пользуется также пріязнію отличнѣйшаго Художника нашего, Графа Ѳ. П. Т . . . .

Графъ.

О, я его очень знаю! Представте себѣ, что въ Веймарѣ знаменитый Гете цѣлый вечеръ говорилъ съ восхищеніемъ о его произведеніяхъ. Онъ увѣрялъ меня, что Канова и Торвальдзенъ, въ Римѣ отдаютъ ему также совершенную спра-

ведливость : чтожъ должно быть въ отечествѣ нашемъ? (*Подумавъ*) Еще мнѣ помнится, я читалъ въ Вѣдомостяхъ, гдѣ то за границею, что Г. Добромысловъ устроилъ на свой коштъ первой стимботъ въ Россіи? . . .

Миловъ.

Вы не ошиблись, Графъ! Онъ точно первый, еще въ 1816 году, показалъ соотечественникамъ своимъ сіе полезное изобрѣтеніе удивительной Механики. — Появленіе этого стимбота было ужасно любопытно! . . . Вообразите себѣ великолѣпную каюту, богатую отдѣлку и все, чѣмъ украшаются суда . . . Сверхъ того каждый вечеръ, стимботъ ярко освѣщенъ былъ множествомъ кенкетовъ; на немъ играла прелестная музыка, по временамъ палили изъ пушекъ . . . И вся эта Европейская роскошь, какъ нѣкое волшебное явленіе, плавала по уединеннымъ водамъ Азіи . . . . Г. Добромысловъ, съ семействомъ и друзьями, плылъ по рѣкѣ Камѣ въ Волгу и далеко въ верхъ по оной, нерѣдко противъ волненія и бури . . . Прибрежные жители, послышавъ, что ихъ лѣсное эхо повторяетъ звуки имъ невѣдомые, толпами бѣжали дивиться необыкновенному явленію, о которомъ ничего не слыхали, даже и въ баснословныхъ преданіяхъ отдаленныхъ предковъ своихъ . . . .

Графъ.

Такъ! теперь я вспомнилъ, что читалъ краткое извѣстіе объ этомъ путешествіи, будучи еще въ Голландіи. — Одинъ изъ Профессоровъ, живущихъ въ Россіи, писалъ о семъ къ пріятелю своему въ Амстердамъ, и это сдѣлалось тогдаже извѣстнымъ въ Европѣ. — Но, признаюсь, послѣ описанія вашего, право можно сказать, что почтенный Г. Добромысловъ угощалъ волшебною прогулкою своихъ пріятелей и свое семейство... Да, скажите мнѣ, Г. Добромысловъ имѣетъ большое семейство? . . .

Миловъ.

У него два сына. Отецъ далъ имъ отличное воспитаніе, и передалъ прекрасное качество души своей: находитъ у всѣхъ любовь и уваженіе.

Графъ.

Оба живутъ съ нимъ?

Миловъ.

Одинъ, младшій, проживаетъ болѣе въ столицѣ. Онъ служитъ теперь при одномъ изъ нашихъ Государственныхъ людей, который и въ холодной Сибири умѣлъ согрѣть сердца чувствомъ пламенной къ себѣ благодарности . . . Но, говоря о младшемъ сынѣ Г. Добромыслова, я нарисую вамъ его портретъ:

Поетъ:

Онъ веселъ, любитъ жизнь простую,
И страхъ какъ всѣми онъ любимъ!
И подъ кафтаномъ золотымъ
Онъ носитъ душу золотую . . . .

*

Жеманство, свѣтскія фигуры,
Совсѣмъ не нравятся ему;
Онъ, правда, любитъ каламбуры,
Но то не вредно никому . . .

*

Зимой живетъ онъ въ Петроградѣ,
Для службы, свѣта и связей;
А лѣтомъ — онъ гоститъ въ Отрадѣ,
И самъ отрада для друзей! —

А другой, старшій сынъ, теперь въ Москвѣ, живетъ своимъ домомъ. Въ молодыхъ еще лѣтахъ распоряжаетъ всѣмъ, какъ старый хозяинъ, и въ тишинѣ, украшенной любовію милой супруги, наслаждается жизнію мирнаго гражданина, получа отставку послѣ походовъ заграничныхъ и незабвенной войны отечественной. --

Графъ (*съ живымъ чувствомъ.*)

Да! конечно война незабвенная!... (*Съ жаромъ*) Ахъ Г. Миловъ! всякой разъ, когда мнѣ вспомянутъ о неслыханныхъ событіяхъ того необычайнаго времени, не могу болѣе оставаться въ моемъ обыкновенномъ положеніи. Выхожу изъ себя! . . Какъ Руской, я, кажется, росту душею вмѣстѣ съ нашею славою! — Къ несчастію, я не могъ тогда, по первому позыву отечества,

полетѣть подъ знамена Рускія; я служилъ послѣ . . . Политическій арестъ остановилъ меня въ Дрезденѣ, и я, рыдая какъ дитя, былъ невольнымъ свидѣтелемъ торжественнаго шествія нашихъ противниковъ. — Силы ихъ были несмѣтны. Признаюсь, когда проходила ихъ безчисленная пѣхота, когда тянулась ихъ шумная кавалерія, въ раззолоченныхъ латахъ, на гордыхъ коняхъ, я цѣпенѣлъ душею, и въ страхѣ думалъ: погибнетъ мое отечество! (*Съ новымъ жаромъ*) Но вообразите, Г. Миловъ, съ какимъ восхищеніемъ услышалъ я первое ура! побѣдителей, — „Великъ Богъ Руской и славенъ Великій Императоръ, побѣдившій непобѣдимаго!" такъ восклицали изумленные народы и текли, съ благоговѣніемъ, подъ сѣнь державнаго орла Россіи . . . Нѣтъ! ихъ никогда не забудутъ, тѣхъ временъ полныхъ событіями и славою . . . .

(*Читаетъ.*)

Прошли тѣ славны времена,
Но вспомнятъ ихъ и поздни годы!
Святая то была война! . . .
Вскипѣли местію народы,
И ставъ за троны и Царей,
За честь и святость алтарей,
И за права своей свободы,
Текли на подвигъ боевой —
И всякой воинъ былъ герой . . . .

Миловъ.

Такъ! я совершенно согласенъ съ вами, Графъ, и въ чувствахъ и въ предметѣ восхищенія вашего . . . .

Поетъ :

Святая то у насъ была война!
И ты — и ты увѣдала смятенье,
О милый край! о Руская страна!
И намъ — и намъ, грозило покоренье!
Враги, какъ буря, къ намъ войной!
И слѣдъ ихъ былъ — пожаръ и степи!
Для насъ звенѣли рабства цѣпи,
И врагъ ругался надъ Москвой! . . .
Но стали Рускіе стѣной,
И отстояли Тронъ и Царство.

Насъ Руской Богъ водилъ къ святой войнѣ,
И въ прахъ отъ насъ, угрозы и коварство! —
Я признаюсь, мнѣ часто въ сладкомъ снѣ
Гремитъ тотъ бой, когда спасалось Царство . . . .
Тутъ прежнимъ грудь полна огнемъ! . . .
Въ мечтахъ я простираю руки!
И въ перекатахъ ратный громъ
И страшной битвы слышу звуки . . .
Но затихаетъ дальный бой
И слышенъ гласъ привѣтной славы . . .

Они бѣгутъ — сіи толпы враговъ
Бѣгутъ отъ насъ — какъ страшная зараза!
А Руской Царь — съ Днѣпровскихъ береговъ
Съ Задонскихъ странъ, съ сѣдыхъ вершинъ Кавказа
Привелъ, подъ знамемъ чести, рать
Отъ береговъ пустынной Лены,
На берега роскошной Сены,
Побѣды праздникъ пировать! —
Забыто все, и Руской жилъ
Какъ гость, въ стѣнахъ столицы славной.

Графъ (*обнимая Милова.*)

Прекрасно! прекрасно! вы меня очаровали вашимъ благороднымъ жаромъ . . . Сердце подало вѣсть сердцу, и мнѣ ужъ не стыдно болѣе, что въ незнакомомъ мѣстѣ я вышелъ было изъ своей обыкновенной степенности . . . Но, скажите мнѣ, мой почтенный Г. Миловъ! вы ранены? Не памятникъ ли это войны, которую такъ помнитъ сердце Руское? . . .

Миловъ.

Такъ! эту драгоцѣнную рану получилъ я на полѣ Бородинскомъ, которое весьма справедливо одинъ изъ соотечественниковъ нашихъ, называетъ: „полемъ ужаса и жатвою смерти....“

Графъ.

Вы дрались на лѣвомъ крылѣ? . .

Миловъ.

Нѣтъ! мы сражались на правомъ, чтобъ отвратить врага отъ лѣваго . . . . Я служилъ въ гусарскомъ полку . . . Минута была рѣшительная, атака ужасная . . . Мы неслись за храбрыми, которыхъ, въ пылу воспоминанія, я какъ будто еще и теперь вижу . . . .

(*Указываетъ на сидящихъ въ партерѣ военныхъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Слуга (*съ запискою.*)

Слуга.

Г-жа Ладова приказала вручить вамъ эту записку.

Миловъ (*пробѣгая записку.*)

Г-жа Ладова уже пріѣхала?

Слуга.

И всѣ гости съ ней.

Графъ.

Извините меня! я такъ увлекся . . . совсѣмъ позабылъ, что могу быть здѣсь лишнимъ . . . .

Миловъ.

Графъ! такой человѣкъ, какъ вы, конечно будетъ у насъ любезнымъ гостемъ . . . . Но вы позволите мнѣ предупредить Г-жу Ладову и другихъ дамъ . . . (*показываетъ видъ, что хочетъ уйти.*)

Графъ.

А мнѣ позволите также отдать нѣкоторыя приказанія моимъ людямъ . . . Притомъ же я еще и въ дорожномъ платьѣ . . .

(*Всѣ уходятъ со сцены.*)

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ II.

Театръ представляетъ ту же комнату, совсѣмъ уже убранную и освѣщенную.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графъ Сельминъ. Гжа Ладова.

Графъ (*одѣтый нарядно ведетъ за руку Гжу Ладову.*)

Ладова (*взойдя на средину сцены, раскланивается съ Графомъ.*)

Графъ! Вы намъ подарокъ для милаго дня! Неожиданное удовольствіе вдвое пріятнѣе . . . Я увѣрена, что Г. Добромысловъ будетъ въ восхищеніи, увидя васъ въ числѣ своихъ гостей. . . .

Графъ.

Сударыня! ласкаю себя пріятною надеждою, что могу имѣть нѣкоторое право на удовольствіе обнять отъ души Г. Добромыслова въ такой день, когда всѣ душевно имъ однимъ заняты. — Я распросилъ и вспомнилъ, что въ 1794 году имѣлъ удовольствіе служить съ нимъ въ Конно-гвардейскомъ-полку. Я былъ тогда еще въ рѣзвой молодости, и не разъ пользовался расположеніемъ и совѣтами Г. Добромыслова. (*Съ чувствомъ*) Какъ они пріятны, воспоминанія счастливой молодости! Я, какъ теперь, помню, какъ мы бывало, въ досужее время, дрались на рапирахъ съ Г. Добромысловымъ. Мы были раз-

ныхъ школъ: онъ учился, кажется, у Матленя, а мой учитель былъ Кавенъ. — Однакожъ мы съ удовольствіемъ мѣрялись въ искуствѣ, и веселились взаимными побѣдами, на дружеской войнѣ. — Такъ, я какъ будто теперь вижу этого Г. Добромыслова, какъ онъ, въ прекрасномъ сине-яхонтовомъ мундирѣ, съ богатыми золотыми галунами, былъ въ первый разъ, какъ дежурный Секундъ-Ротмистръ, принятъ въ домашнее общество Императрицы. Всякое время имѣетъ свои обычаи . . . тогда Великая Государыня такимъ образомъ удостоивала знакомиться съ своими вѣрными подданными. —

Ладова.

И такъ, вотъ еще новое удовольствіе для Г. Добромыслова — увидѣть своего стараго сослуживца!

Графъ.

Но . . . я вижу здѣсь вездѣ приготовленія, и слышу о праздникѣ: осмѣлюсь ли навѣдаться отъ васъ объ этомъ болѣе?

Ладова.

Я объясню вамъ въ двухъ словахъ. Друзья, родные и сосѣди собрались сюда, и сдѣлали дружеской заговоръ. — (*Шутливо*) Конечно, самый невинный изъ всѣхъ заговоровъ въ свѣтѣ! — Праздновать день рожденія общаго любимца на-

шего и, какъ водится, удивлять его сюрпризами . . .

Поетъ:

Мы собрались сюда, чтобъ вмѣстѣ
Душевный праздникъ проводить,
Чтобъ безъ притворства и безъ лести,
Что есть на сердцѣ, говорить. . .

Я признаюсь, день этотъ важенъ,
Хозяинъ милъ друзьямъ своимъ;
Онъ здѣсь отъ всѣхъ почтенъ, уваженъ
И такъ сердечно онъ любимъ! . . .

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Саша.

Ладова (*къ Графу*).

Вотъ, ужъ и пожаловало одно изъ дѣйствующихъ лицъ! . . . Честь имѣю рекомендовать, Графъ! это дочь моя, Саша! —

Графъ.

Очень радъ познакомиться. — (*Графъ кланяется.*)

Ладова.

Гдѣжъ родные и гости?

Саша.

Всѣ идутъ сюда . . . . (*уходитъ.*

Ладова (*къ Графу*).

Графъ! Вотъ и всѣ наши родные и знакомые. Они сердцами условились праздновать всѣмъ намъ милый день. —

(Всѣ родные, братцы и сестрицы, выходятъ на сцену и, группируясь, одни садятся за столами, другіе между собою разговариваютъ. Одни съ работою въ рукахъ, показываютъ видъ, что надобно готовиться къ празднику. Другіе знаками изъясняютъ, что еще успѣютъ и садятся играть въ Пустынника *и въ другія игры и проч. и проч. а Н. А. пресерьезно вынимаетъ карты изъ столика и, ни на кого не смотря, раскладываетъ Грандъ-пассіянсъ. — Все должно дѣлаться такъ непринужденно, какъ обыкновенно въ домашнемъ обществѣ.)*

Ладова (*Когда пантомина уже кончена, ко всѣмъ роднымъ*):

И такъ мы начнемъ приготовляться. Графъ теперь у насъ свой человѣкъ! — Начинать съ младшихъ . . . (*Къ Сашѣ*) Ну, милая! ты, кажется, будешъ пѣть? готова ль ты? —

Саша.

Я такъ усердно готовилась. Кажется не отстала отъ другихъ. Маменька! и я умѣю чувствовать . . .

Ладова.

Ну, такъ запой же! — Скорѣе къ дѣлу!

Саша.

Я готова; но Г. Леновъ обѣщалъ, сей часъ, прійти мнѣ аккомпанировать . . . . . А вотъ и онъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Леновъ (*съ гитарой*)

Ладова.

Мы васъ ожидаемъ (*указывая на Графа*): это нашъ гость! онъ намъ не помѣшаетъ.

(*раскланивается*)

(*Начинаютъ: Саша пѣть; Леновъ аккомпанировать куплеты*)

Когда собираются всѣ наши,
Сердечный праздникъ пировать,
То вѣрно и малюшкѣ Сашѣ
Дозволятъ слова два сказать . . . .

Куплетъ кой какъ и Саша свяжетъ
И повторитъ со всѣми хоръ:
Чтожъ мнѣ сказать? мнѣ сердце скажетъ
И сердцежъ будетъ мой *Суфлёръ*!

Такъ, милый дядинька! участье
И Саша въ праздникѣ беретъ —
Всѣ говорятъ: быть добрымъ счастье!
И добрымъ веселъ Божій свѣтъ:

А вы вѣдь добры? — такъ живите
И пусть все тѣшитъ въ жизни васъ,
И хоть немного такъ любите,
Какъ всѣ мы много любимъ васъ! —

(*По окончаніи куплетовъ, Ладова, поцѣловавъ Сашу, шепчетъ ей что-то на ухо. — Саша уходитъ*)

Графъ (*учтиво Ленову.*)

Я былъ уже предупрежденъ на щетъ вашего таланта, но ваша игра теперь превосходитъ и самый отзывъ вашихъ пріятелей. —

Леновъ.

Вы слишкомъ милостивы, Графъ! Я не изъ знаменитыхъ артистовъ, занимаюсь гитарою по охотѣ только иногда . . .

Графъ.

Вы не повѣрите, какъ мнѣ весело, послѣ долга-

го отсутствія, встрѣчать въ отечествѣ новыя дарованія . . .

Леновъ.

Въ этомъ отношеніи вы можете, съ утѣшеніемъ, полюбоваться отличными и разнообразными талантами Г. *Милова.*

Графъ.

Я восхищенъ, сей часъ, его пѣніемъ: развѣ онъ и музыкантъ?

Леновъ.

И отличный! . . . Его игра на фортепіано уважается знатоками, а его сочиненія дышатъ особенною прелестію простоты, вкуса и дарованія возвышеннаго.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Саша (*съ бумагою*)

Саша.

Вотъ, маменька, и программа нашего будущаго праздника . . .

Ладова (*передаетъ Графу листъ.*)

Графъ.

Благодарю за довѣренность! (*Читая*) Браво! и я помѣщенъ въ число бѣйствующихъ лицъ! . . . Еще разъ благодарю, за такое привѣтливое вниманіе: не знаю могу ли, только соотвѣтствовать . . . (*Читая далѣе*) Помилуйте! . . . или я

ошибаюсь? Неужели столько разныхъ перемѣнъ успѣемъ сдѣлать въ *одинъ день*?

Ладова.

Да мы и не располагали праздновать только *одинъ день*.

Графъ.

Смѣю ли узнать, сколькожъ мы будемъ праздновать дней?

Ладова.

Прочитайте ниже (*указываетъ*) старую Рускую пословицу: она вамъ все скажетъ.

Графъ (*читаетъ.*)

„*Добраго имянинника празднуютъ три дня*!" Прекрасно! прекрасно! чувствую, что я опять на Святой Руси! Такъ живали наши дѣды! они любили погостить и попраздновать. (*Къ партеру.*) И такъ мы празднуемъ цѣлыхъ *три дня*.

Ладова (*къ Графу.*)

Графъ! Вы нашъ на дружескомъ пиру?

Графъ (*смотря программу, поетъ:*)

Пиръ этотъ будетъ такъ прекрасенъ:
Все восхищаетъ здѣсь меня:
И такъ я, отъ души, согласенъ
Здѣсь съ вами праздновать *три дня*.

Графъ.

Я съ вами праздную три дня!

Всѣ

И такъ мы празднуемъ три дня!

(*Откланиваются.*)

(. . . . *Открывается транспаранъ съ словами:* „*Добраго имянинника празднуютъ три дня!*“)

ΑΗΑΓΡΑΜΜΑ.

Анаграмму разыгрывали такимъ образомъ: Г. N. N. выходилъ на сцену, въ старинномъ судейскомъ платьѣ, и садился въ креслы. Въ это время многіе изъ общества, въ разныхъ характерныхъ платьяхъ, представляя просителей съ бумагами въ рукахъ, и съ словесными просьбами подходили къ судьѣ, кланялись, просили, показывали кошельки съ золотомъ, но у судьи былъ одинъ отвѣтъ: отрицательный знакъ. Когда всѣ просители прошли мимо, судья повторилъ громко слѣдующій стихъ:

Je cause aux suppliants une douleur extrême:
„Retournez-moi . . . . .

И при словѣ Retournez moi, Маршалъ оборотилъ стулъ, судья сѣлъ на другую сторону лицемъ, и просители пошли по прежнему. Когда всѣ, какъ и прежде, получили отказъ, судья всталъ и произнесъ:

Je suis toujours le même.

За симъ въ транспаранѣ явилось слово: *Non.*

ОМОНИМЪ.

Вошли трое: одинъ, Математикъ, сталъ возлѣ доски, и писалъ ломаныя числа; другой, съ барабаномъ въ срединѣ, билъ *дробь*, а третій, за тѣмъ рядомъ въ охотничьемъ платьѣ насыпалъ ее въ патроны. Каждый по очереди прочиталъ:

Первый.

Въ словахъ я цѣлое, но въ цифрахъ состою
Я частью цѣлаго, не болѣ!

Вторый.

Не то, съ охотникомъ я птицъ и зайцевъ бью.

Третій.

Не то, меня же бьютъ на барабанѣ въ полѣ

Изъ всего вышло значеніе Омонима: *Дробь*.

З А Г А Д К А.

Двое вышли на сцену. Одинъ Аптекарь съ вѣсами, другой Философъ съ книгою въ рукѣ. Маршалъ, относясь то къ одному, то къ другому, читалъ слѣдующую загадку, которой значеніе (*на французскомъ языкѣ*) было въ рукахъ Философа и Аптекаря.

Veux-tu savoir comme on m'apelle ?
Je suis un mot à double sens,
Tantôt mâle, tantôt femelle:
Femelle, j'ai beaucoup d'enfans
Qui tous ont beaucoup d'autres frères.
Comme mâle j'ai vingt-cinq mères,
Qui se reproduisant par miliers tous les ans,
Font dans tous les pays la guerre à l'ignorance.
Femelle, je me tais, ne parle qu'en balance;
Mâle je ne dis mot, et je parle pourtant
De même que je mords sans avoir une dent.
Livre (*le*) (*la*)

КАЛАМБУРЪ.

Съ двухъ концевъ сцены выходятъ на средину: одинъ съ дичью, другой съ ножемъ въ рукахъ. За ними выходитъ третій (*въ костюмѣ Вралёва, что въ Оборотняхъ*) и читаетъ: Во свѣтлой мрачности и проч.

Послѣ чего объяснился каламбуръ, значащій: *Дичь поретъ.*

ЛОГОГРИФЪ.

Входятъ двое. Одинъ читаетъ книгу, другой шатается, играя ролю пьянаго. Одинъ прочитываетъ одну, другой другую половину Логогрифа:

Si je raisonne avec ma tête,
Je deraisonne sans ma tête.
Souvent j'amuse avec ma tête
Je suis ennuyeux sans ma tête,
Mais pour me faire avec ma tête
Il faut de l'esprit, de la tête
Au lieu que toujours sans ma tête;
On perd et l'esprit et la tête.
Livre, Ivre.

ШАРАДА.

Для представленія шарады избрано слово въ трехъ значеніяхъ, что и составило три части представленія. Въ первой части на авансценѣ открылся балъ. Нѣсколько особъ изъ общества танцовали польской, мазурку и вальсъ. Во второй части появилась на срединѣ сцены, въ богатомъ одѣяніи, на воздушной колесницѣ, предшествуемая и окруженная Лелями, въ видѣ крылатыхъ дѣтей съ вѣнками — Богиня Лада. За колесницею стоялъ Полель съ вѣнкомъ и факеломъ. Въ третьей части сцена наполнилась призраками и тѣнями. Когда всѣ они помѣстились живописными группами, то на средину сцены, въ Русскомъ платьѣ и въ мантіи, украшенной эмблемами, вышла Баллада, и прочла извѣстное стихотвореніе Г. Жуковскаго: *Разъ въ крещенскій вечерокъ.* и проч.

РОМАНСЪ ВЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Баронъ.

St. Judes.

Управитель.

Полицейской.

Заимодавцы.

Общество гостей.

Охотники.

Жидъ.

Шесть человѣкъ съ бочками.

До поднятія занавѣса, оркестръ играетъ мотифъ романса; по открытіи представляется комната. Маршалъ входитъ на сцену, и начинаетъ пѣть романсъ; слышны отзывы роговъ, хлопанье арапниками и крикъ охотниковъ. — Въ сіе время является лице, представляющее управителя, на сцену, съ счетами и книгами расходными, и показываетъ жестами, что скоро Баронъ не будетъ уже пользоваться своими любимыми забавами. Входятъ нѣсколько заимодавцевъ съ полицейскимъ, за которыми слѣдуетъ Баронъ съ своимъ обществомъ и охотниками, изъ коихъ одинъ несетъ зайца, другой дичь и проч. Баронъ въ изумленіи, управитель показываетъ щеты, а заимодавцы векселя. Баронъ приходитъ въ комическое отчаяніе. Заимодавцы обираютъ его, а управитель снимаетъ съ него кафтанъ. Въ сіе время гости и прислуга проходятъ мимо процессіею, и, откланиваясь по очереди, уходятъ. — Баронъ, въ смѣшномъ отчаяніи, слѣдуетъ за ними, и въ дверяхъ столкнувшись съ жидомъ, продаетъ ему остатки своего имѣнія за тощій кошелекъ. — При семъ занавѣсъ опускается.

Перемѣна декораціи на сценѣ. Два номера въ трактирѣ въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ: въ верхнемъ на кровати спящій St. Judes, а въ нижнемъ въ комнату входитъ Баронъ, одѣтый по словамъ романса, съ охотничьимъ рогомъ, бичемъ и собакою. Въ сіе время поется цѣлый куплетъ романса, въ концѣ котораго Баронъ ложится и притворяется соннымъ; онъ потираетъ глаза, осматриваетъ комнату, и примѣтивъ охоту въ картинѣ, вскакиваетъ и дѣйствуетъ по словамъ романса; музыкантъ играетъ на валторнѣ.

На верху St. Judes показываетъ, что подъ изголовьемъ у него векселя; при шумѣ внизу, комически просыпается, идетъ къ Барону, гдѣ они, слѣдуя словамъ романса, изображаютъ смыслъ оныхъ жестами. St. Judes выходитъ, а Баронъ опять продолжаетъ охотничье свое занятіе. Въ это время въ верху видѣнъ St. Judes съ 6 человѣками въ костюмахъ съ бочками, которымъ приказываетъ опрокинуть ихъ на полъ: тутъ пускается театральный дождь. Баронъ комически внизу бѣгая изъ угла въ уголъ, представляетъ, что онъ обмокъ и незамѣтно въ кулисахъ перемѣняетъ напудренной свой парикъ на черноволосой.

Послѣ сего, слѣдуя за словами, Баронъ въ глупомъ бѣшенствѣ идетъ въ верхъ къ St. Judes,

который въ то время, какъ наливали воду, ложится въ постелю и беретъ удочку, примѣрно показывая, что удитъ рыбу. Это положеніе сохраняетъ онъ и при входѣ Барона, а 6 человѣкъ, съ бочками, составляютъ комическую группу, около Барона. Музыка, при опущеніи занавѣса, играетъ мотифъ.

ROMANCE.

Du bas Poitou vous saurez qu'un baron
Qui passoit sa vie à la chasse,
Par les calculs d'un intendant larron
Se vit réduit à la besace.
Il vend son bien
Pour rien,
Quitte son beau
Château,
Prend le chemin d'une autre capitale.
Pédestrement botté,
Crotté,
En un hôtel garni,
Jarni
Ne v'la-t-il pas qu'il s'instale.

A dire vrai il n'avoit conservé
Ni son bien ni ses équipages,
Comme un saint Roc il s'étoit réservé
Un chien qui lui servoit de page.
Or il avoit
Encor
A son côté
Porté

Un cor de chasse bien gothique
Qui pouvoit par des airs
Divers
Au lever du soleil
Vermeil
Rappeler son plaisir antique.

A dormir peu notre homme accoutumé
Se réveilla tout d'aventure
Et sur le pan d'un lambris enfumé
Vit une chasse en peinture.
Le v'la qui rit
Du lit,
Le v'la qui sort
D'abord,
Le v'la qui court à perte d'haleine
En criant au plus haut:
Tayau !
Le v'la qui donne encor
Au cor
Comme autrefois dans ses garennes.

Un Chevalier, Saint Judes étoit son nom,
Trouva ses façons peu discrètes ;
Ce Chevalier qui dormoit par raison,
Ronfloit pour acquitter ses dettes;
Il descend
A l'instant
Et dit: Voisin,
Ce train
Me réveille à travers la poutre.
L'avis est bon,
Dit le baron,
Mais pour chasser chez moi,
Je crois,
On peut bien me passer outre.

Saint Judes sort et le baron joyeux
Poursuit sa chasse imaginaire.
Que fit alors Saint Judes furieux?
Il fit verser chez lui par terre
Par six Lionnois
Bennets
Six grands tonneaux
Pleins d'eau,
Et par cette postiche tempête
Qui perça le plafond
A fond
Du baron barbouillé
Mouillé
Lava bien comme il faut la tête.

Tout irrité de ce trait inhumain,
Le baron monte et voit Saint Judes
Qui sur son lit, une ligne à la main,
D'un pêcheur gardoit l'attitude.
Cessez ce jeu,
Morbleu,
Ou ventrebleu!
Sous peu
Que de pêcher je ne vous empêche.
Eh bien, Monsieur, je me ris
De vous
Chacun n'at-il donc pas
Ses goûts?
Vous chassez, Monsieur, et moi je pêche. —

Вслѣдъ за романсомъ, по открытіи занавѣса, представилась глазамъ зрителей *живая картина* изображающая, въ живописныхъ группахъ, приготовленіе къ празднику. Вскорѣ послѣ сей

на той же сценѣ явилась другая картина, представлявшая заздравный кубокъ. Чрезъ нѣсколько минутъ — лишь только на часахъ, бывшихъ на сценѣ, пробило 12 — картина пришла въ движеніе: всѣ лица выступили изъ рамокъ, и приближились къ авансценѣ. Тутъ Н. В. Всевололожскій пропѣлъ поздравительные куплеты, повторенные хоромъ дѣйствующихъ лицъ, и какъ на сценѣ, такъ и всѣ зрители, при звукѣ трубъ и литавръ, пили за здоровье имянинника.

Довольны мы судьбою,
Что всѣ тебя любя,
Успѣли согласиться
И вмѣстѣ веселиться
И веселить тебя!
Довольны мы судьбою . . .

*

Довольны мы судьбою,
Когда и насъ любя,
Захочешь согласиться
И съ нами веселиться
И веселить себя.
Довольны мы судьбою . . .

25го ЧИСЛА.

СПЕКТАКЛЬ.

Піесы: извѣстная Комедія Н. И. Хмѣльницкаго: *Нерѣшительный.*

Опера: Les Rendez-vous Bourgeois.

Въ антрактахъ Гг. Бендеры играли концертъ на кларнетахъ, а Г. Гугель на валторнѣ.

Послѣ спектакля горѣлъ предъ домомъ щитъ съ вензловымъ изображеніемъ имянинника и сожженъ фейерверкъ.

Вечеръ кончился баломъ.

26го ЧИСЛА.

26 числа, когда пришелъ часъ обѣда, хозяину и гостямъ объявили, что какой-то неизвѣстный Италіянецъ, пріѣхавъ на это время изъ столицы, открылъ ресторацію въ сосѣдственномъ флигелѣ. Всѣ туда отправились. Въ знакомыхъ комнатахъ нашли новыя перемѣны, въ самое короткое время произведенныя. Надъ дверьми повѣшена была вывѣска съ надписью. Гости нашли ресторацію въ полномъ смыслѣ: разставлены были маленькіе столики: прислуга состояла изъ молодыхъ людей, одѣтыхъ точно такъ, какъ въ иностранныхъ рестораціяхъ, хозяинъ же, Г. Каламбурини, жена его, все семейство и буфетчица были одѣты весьма забавно въ карикатурныхъ нарядахъ. Гости расположились какъ дома, и всякой спрашивалъ, чего желалъ по поданнымъ картамъ. — Когда всѣ уже были на мѣстахъ, начали входить кадрили въ разныхъ характерныхъ платьяхъ, послѣ чего и начались комическія сцены. Тутъ же являлись продавцы разныхъ припасовъ; приносили плоды, молоко и проч. Хозяинъ рестораціи предложилъ гостямъ концертъ изъ странствующихъ музыкантовъ. Они явились, въ самыхъ каррикатурныхъ костюмахъ. Это были превосходнѣйшіе артисты. Для за-

бавы перемѣнились они инструментами, и каждый игралъ не на своемъ. Г. Маурерь сочинилъ нарочно для сего совсѣмъ особеннаго рода симфонію. Въ продолженіе обѣда хозяинъ и вся услуга не иначе не разговаривали какъ *каламбурами*.

Между тѣмъ, еще при началѣ обѣда, появился человѣкъ въ странномъ нарядѣ. По его поступкамъ узнали, что онъ представлялъ лице Gastronome sans argent: онъ щечился около гостей, допивалъ въ рюмкахъ вино, хваталъ куски съ блюдъ и проч. проч. Наконецъ сей странствующій гастрономъ вздумалъ напугать хозяина за то, что ему недозволено было слишкомъ безпокоить гостей, и, какъ нарочно, къ концу самаго обѣда, вбѣжалъ и объявилъ, что онъ донесъ, о томъ, что ресторація открыта самовольно безъ должнаго позволенія. Хозяинъ чрезвычайно встревожился, хозяйка и дѣти расплакались, и гости принуждены были удалиться,

---

26го ЧИСЛА ВЕЧЕРЪ.

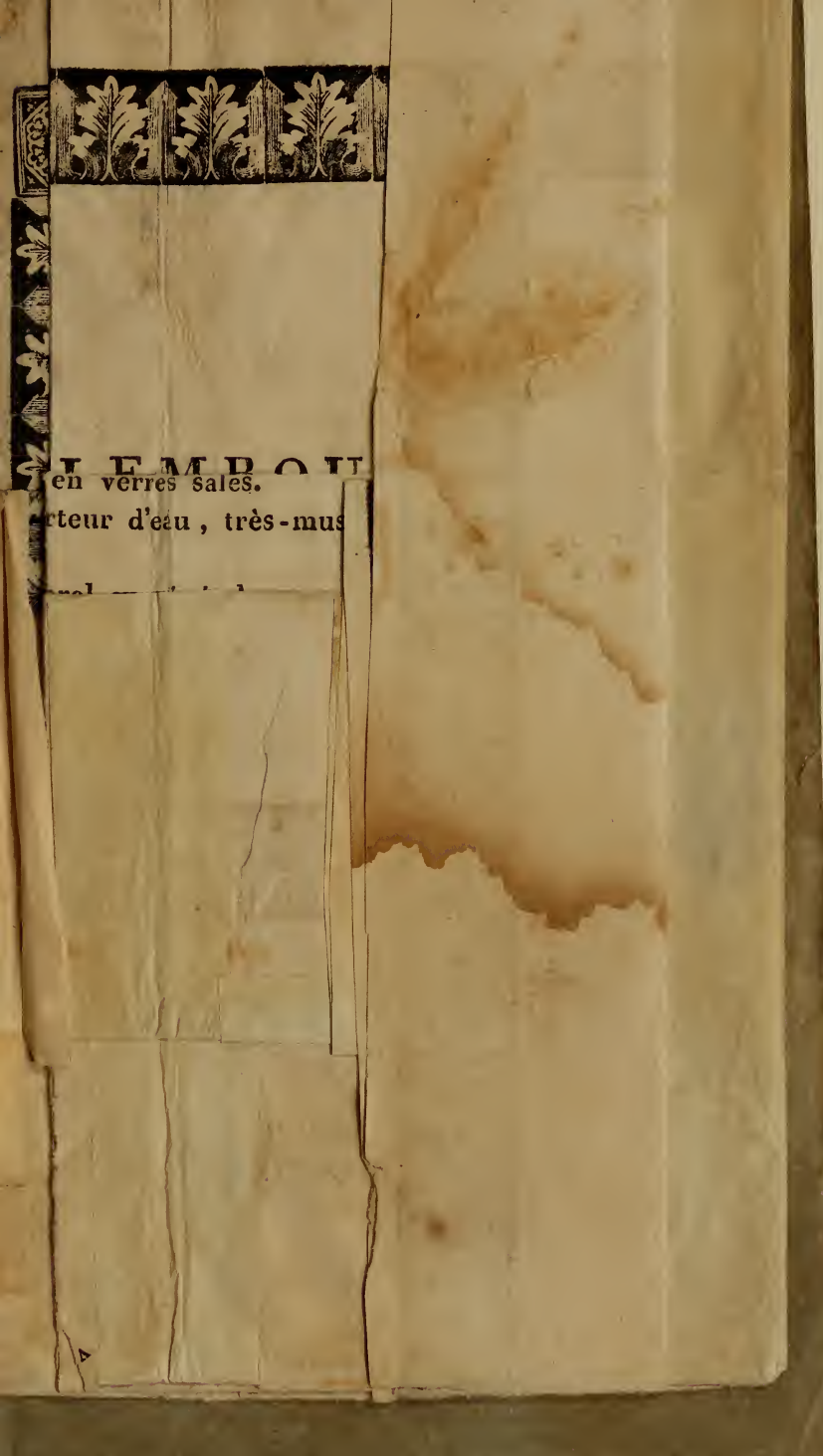
Гости полагали, что послѣ обѣда въ ресторацiи праздникъ уже кончился. Но къ вечеру позвали ихъ въ театральную залу, гдѣ, къ общему удивленiю, открылось совсѣмъ новое, неожиданное зрѣлище. — Стѣны съ верху до низу иллюминованы были множествомъ разноцвѣтныхъ фонарей; по сторонамъ, между освѣщенными колоннами, расположены лавки, которыя особенно отличались вывѣсками. Изъ сихъ десяти вывѣсокъ, каждая представляла каламбуръ. Продавцы въ лавкахъ одѣты были по роду товаровъ, или сходно съ климатомъ продаваемыхъ ими произведенiй: мороженое раздавалъ Камчадалъ, закутанный въ свое народное платье; чай разливали Китайцы; трубки можно было получить у Турокъ, одѣтыхъ великолѣпно и проч. проч. Когда гости вышли, зала начала наполняться разнообразными масками. Одни тѣснились около лавокъ, другiе составляли кадрили. Между тѣмъ сцена была открыта: на ней видѣли иллюминованную рощу; по временамъ появлялись разныя дѣйствующiя

лица. Замѣчательнѣйшія изъ сихъ вводныхъ явленій были:

1 Тирольская пляска.
2. Пляска Руская.
3. Фокусники.
4. Мазурка изъ четырехъ паръ.
5. Послѣ нѣкотораго промежутка явился Нѣмецъ съ ученою собакою которая весьма забавила зрителей своимъ искуствомъ.
6. Толпа полишинелей.
7. Большой Руской хороводъ, въ которомъ участвовало почти все общество.

Ярмарка непримѣтно перемѣнилась въ маскерадъ, которой отличался также весьма забавными явленіями. Хозяинъ, желая сдѣлать и съ своей стороны небольшой сюрпизъ тѣмъ, которые встрѣчали его на всякомъ шагу нечаянностями, переодѣлся скрытно въ Руской кафтанъ и явился въ маскѣ. Но его скоро узнали. Нѣкто, представлявшій стариннаго отставнаго полицейскаго Офицера, нашелъ случай остановить человѣка въ Рускомъ платьѣ, далъ знать полишинелямъ; толпа тотчасъ окружила его, принудили снять маску, и всѣ узнали хозяина; полишинели хлопали, гости веселились, вся эта

сцена изображена на картинѣ, представляющей ярмонку. Маскерадъ продолжался до 4 часовъ утра. Въ заключеніе былъ ужинъ — и симъ кон-чился трехдневный праздникъ, которымъ друзья и родные угощали любезнаго имъ хозяина.



LEMBOU

en verres sales.

teur d'eau, très-mus

CARTE

DE LA RESTAURATION DE Mr. CALEMBOURINI.

Tous ces plats sont égaux, ce n'est pas la fayence,
C'est ce qui est dedans, qui fait la différence.

POTAGES.

Potage à la maitre d'hôtel.
Potage au riz, au ris très-sérieux pour les philosophes.
Potage aux choux pour les chouchoux.
Potage aux oeufs pochés, empochés.
Consommé qui n'est jamais consomme.

HORS-D'OEUVRES.

Rognons rognés.
Jambon au bon Jean.

BOEUF.

Boeuf piqué, d'épine vinette.
Boeuf braisé au vin des Canaries.
Bifstek élastique.

ENTRÉES.

Tendrons attendris.
Tête de veau en torture.
Cervelle en papillottes.
Gratin au gratis.
Grue au gruau.
Chevreuil piqué au Rhinoceros.
Choufleurs au soufleur.
Dinde piquée au Crocodile.

POISSONS.

Baleine au naturel.
Filets de brochets embrochés.
Ecrevisses de Sibérie.

ROTIS.

Poularde lardée.
Doubles au doublet.
Poulet emponlé.
Cailles caillées.
Poule à la guerre.

PATISSERIE.

Petits pâtés à l'oeuillade assassine.
Pâtés à la ventriloque.
Pâtisserie pathétique.
Gelée de pommes en pommes de terre pour les joueurs de pommes en Poméranie.
Compote de poires sans espoir.
Laitage à l'étage d'en-haut.

VINGT VINS.

Vins blancs.

1. Vin à la blanchisseuse.
2. Vin au Blanc d'Espagne.
3. Vin blanc-bec.
4. Vin vieux du siècle passé.
5. Vin sec de graisse apporté de Grèce.
6. Vin cuit à la glace.
7. Vin clair en bouteilles vuides.
8. Vin plâtré au charbon très stomachique.

Vins rouges.

9. Esprit de vin, en main, qui en donne à celui qui n'en a pas, et ôte à celui qui en a.
10. Vin à la barbe rousse, qui fait faire des chutes sans tomber.
11. Vin à la crête de coq.
12. Vin à la conscience nette.
13. Vin plat, quoiqu'épais, mais très-usité.
14. Vin Calembourol étisomansé, vin très à la mode dans les chambres à colonnes crayonnées.
15. Vin de dessert de Serres.
16. Vin de séllerie.
17. Vin de douceurs galantes.
18. Vin des Dames en demi-bouteilles très salé au salon.
19. Vin à vapeur d'une force de huit chevaux.
20. Vin de l'air fin du vent du Nord.

LIQUEURS.

Liqueur forte, très-fidèle pour les esprits très-forts.
Cuirasseau, cuir-à-sot double, pour les esprits malades.
Liqueur lamentable à l'amant table, qui invite à la gaieté.
Liqueur calmante à la diable m'emporte.
Liqueur de menthe, démente sans démentir l'amante.
Pousse-café au cheval poussif du petit-pousset.
God-dam porter véritable, nouvellement apporté de la Goddamonie.
Kvasse de Versailles en verres sales.
L'eau, l'os au porteur d'eau, très-musicale et d'un grand effet, donnée gratis.
Eau minérale au capital en général.

Outre cela on trouve au prix de presque pour rien tout un diner complet à la Fortune du pot.

Les bouteilles et les verres K., se payent au poids d'argent; et hors-sac ou le ce qu'on [illegible] pas, pas plus qu'il n'en faut.

H 3

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

HECKMAN
BINDERY INC.
APR 89
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

LIBRARY OF CONGRESS
00025336525